

Рагулина Милана Владимировна

доктор географических наук,
ведущий научный сотрудник лаборатории
георесурсоведения и политической географии
Института географии им. В.Б. Сочавы
Сибирского отделения Российской академии наук
dom-hors@mail.ru

КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Аннотация:

В статье рассмотрена роль концепций культуры в развитии исследований культурного ландшафта. Культурный ландшафт трактуется как контекстуальное воплощение культуры. Вклад концептуализации культуры обеспечивает понимание различий между основными культурно-географическими национальными традициями.

Ключевые слова:

культурный ландшафт, культурная география, концепция культуры, географическая традиция.

Ragulina Milana Vladimirovna

D.Phil. in Geography,
Leading Research Associate of the Laboratory
for Geographic Resource Studies and Political Geography,
Sochava Institute of Geography,
Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
dom-hors@mail.ru

CONCEPTS OF CULTURE AND CULTURAL LANDSCAPE

Summary:

This article examines the role of cultural concepts in the cultural landscape studies development. The cultural landscape is interpreted as a contextual embodiment of the culture. The culture conceptualization provides a sophisticated comprehension of the differences between the main geographic cultural national traditions.

Keywords:

cultural landscape, cultural geography, concept of culture, geographical tradition, morphology of landscape.

Становление школ изучения культурного ландшафта на Западе и в России развивались неравномерно. В первом случае внимание исследователей уделялось преимущественно культурным, во втором – природным составляющим ландшафта. Причина такого положения – также в различии трактовок культуры и ее места в обществе.

Суперорганическая трактовка, выдвинутая А. Кребером, преобладала в западной антропологии и географии почти полвека. Согласно ей, культура – саморазвивающаяся сущность, необъяснимая в категориях органического и неорганического миров. Она охватывает все проявления общества, кроме социальной структуры. Культура стабильна, но законы развития неясны, а формы определяют «этосом», который пронизывает ее, как запах [1]. Концепция вошла в географию через школу культурного ландшафтоведения в Беркли (США) и ее лидера К. Зауэра.

Достоинство такой трактовки – пристальный интерес к локальным вариациям культуры в региональной динамике, ряд классических работ был создан ее последователями. Тем не менее непроницаемый барьер между сферами социального и культурного, неясность вопроса развития культуры и «этос», скорее интуитивно ощутимый, чем научно фиксируемый, создали серьезные трудности развитию англофонной географии [2]. Проблема морфологии культурного ландшафта сводится к взаимодействию абстрактного Человека с замкнутой Культурой. Природные особенности ареала и социальные грани взаимодействия человека с ландшафтом находятся за пределами интересов исследователей.

Морфологический метод Зауэра основан на первичности ареала – своеобразного «тела» пространственных фактов. Природный ландшафт преобразуется культурой, порождая культурный ландшафт. Анализ деятельности человека в ареале позволяет ученому выделить способы осмысления природного ландшафта и способы осмысления культуры. Первым соответствует сукцессия ландшафтов, вторым – сукцессия культур. Вектор изменения основан на организмической аналогии цикла – ландшафт проходит фазы зарождения, расцвета, старения, умирания. Разделение между сферами природы и культуры фундаментально для морфологии Зауэра. Природная составляющая акцентирует важность физико-географических и ресурсных свойств ареала, культурная представляет сведения о характере и результатах поведения человека в ландшафте: «Культурный ландшафт есть географический ареал в своем финальном значении (Хора). Все его формы являются результатом деятельности человека, которая характеризует ландшафт. В этом определении мы заинтересованы в выявлении в географии не энергии, обычаев и верований людей, а в том, как они «записаны» в ландшафте» [3, с. 309].

Иными словами, важнейшее качество КЛ как географического ареала состоит в том, что он превосходит и включает ландшафт природный. Не сущность культурных и социальных процессов интересует объектно-ориентированного исследователя, а «запись» их динамических последовательностей в ландшафте.

Следует отметить, что «формы» К. Зауэра в большей мере соответствуют компонентам ландшафта, а не их ситуативным пространственным конфигурациям. Для природного ландшафта это климат, почвы, растительность, рельеф, минеральные ресурсы, воды, для культурного – население, его плотность, мобильность, планирование и структура домостроения, производство и коммуникации.

Карл Зауэр отмечает, что география никогда не игнорировала эстетические качества ландшафта, для исследования которых пригодны только субъективные подходы. Но в 1920-х гг. наука еще не обладала той теоретической базой, которая позволила бы сочетать позитивистскую морфологию и «понимающие» гуманистические исследования. Поэтому для постижения субъективного «нужно полное обновление научных исследований, но пока научное и ненаучное развиваются отдельно» [4, с. 309]. Зауэр верил, что внимательное наблюдение, непредвзятая фиксация мельчайших черт ландшафта исследователем, который сам строит свою программу сбора фактов, позволит уловить проблески понимания более высокого уровня, нельзя редуцировать к формальным процессам.

Таким образом, предлагая морфологический подход, Зауэр четко очерчивает сферу его применения и ограничения, а также обозначает важность тем, которые не могут быть исследованы с позиции формальной морфологии: пренебрежение субъективной сферой культурного ландшафта грозит исследователю «западной рационализма».

Школа исследований культурного ландшафта, основанная К. Зауэром, концептуализировала отношения культуры и природы в границах конкретных ареалов с учетом исторической динамики, создала «инвентаризационные» описания культурно-природных конфигураций ландшафтов. Внимание к сельским сообществам с относительно простой социальной структурой и гомогенной культурой обеспечило исследование таких конфигураций в почти «лабораторных» условиях. Подход избегал выявления причин, а суперорганическое понимание культуры побуждало интерпретировать культурные феномены с помощью других культурных феноменов. Фактически стремление соединить природу и культуру в концепции культурного ландшафта реализовалось в том, что территория рассматривалась как арена деятельности. Эта парадигма оказалась довольно стойкой и в 1980-х гг. обсуждалась в научной печати как лидирующая [5].

Эпифеноменальная (надстроечная) трактовка культуры доминировала в советской науке. К 1930-м гг. марксизм-ленинизм утвердился в качестве господствующей идеологии, научно-мировоззренческого базиса, внедрился в нормы обыденной жизни. Культура трактовалась как надстроечное явление, связанное с материальным производством и почти независимое от сознания людей. Ее основная черта – вторичность по отношению к экономическому базису. Культура подразделялась на материальную (техника, производственный опыт, материальные ценности) и духовную (достижения в области науки, искусства и литературы, философии, нравственности, просвещения). Она рассматривалась как следствие способа производства и обладала классовым характером [6]. Проблемное поле исследования КЛ претерпело радикальные изменения: от антропогеографического круга идей о связях человека и земли во всем историческом и географическом разнообразии к размещению объектов соцкультбыта. Вследствие этого отечественное культурное ландшафтоведение как научная субдисциплина прекратило свое существование, а немногочисленные статьи не могли компенсировать сужения предметного поля. Природное ландшафтоведение игнорировало человека, не включая его в биоту, не выделяя в качестве социальной единицы ландшафта. Процессы саморегуляции геосистем лежали целиком в области природных явлений, а устойчивость рассматривалась относительно факторов природной среды. Отечественное ландшафтоведение как синтезирующее направление в географии было непревзойденным по глубине анализа, из-за «бесчеловечности» не отражало целостную социоприродную картину мира.

Лишь в 1970-е гг. оно возродилось в значительно редуцированном виде антропогенного ландшафтоведения [7]. Исходя из господствующей культурной парадигмы, человек в ландшафте рассматривался как агент нарушения и преобразования природы. К 1980-м гг. стала очевидной ограниченность ландшафтоведения как «чистого» естествознания. Сейчас исследования культурного ландшафта переживают «второе рождение»: важными темами стали изучение традиций локальных сообществ, связывающих их с родной землей [8], аспекты наследия и исторической памяти [9]. Традиционная для российской географии ориентация на сайентизм создает благоприятные условия для морфологических изысканий, но для того, чтобы исследовать живое целое культурного ландшафта, нужна теоретическая подпитка гуманитарно-географическими идеями.

В итоге, зарубежная англоязычная и отечественная традиции изучения культурного ландшафта испытывали тематические и теоретические дефициты диаметрально противоположного характера, которые во многом обусловлены различием академически признанных трактовок культуры. В первом случае культурному ландшафту «не хватало» анализа природ-

ных и социальных процессов, а во втором – мировоззрений, ценностей, традиций создающих и населяющих его людей, культуры в широком понимании. Развитие этих традиций в настоящее время демонстрирует стремление компенсировать названные дефициты.

Ссылки:

1. Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.
2. Duncan J.S. The superorganic in American cultural geography // *Annals of the Association of American Geographers*, 1980. Vol. 70. № 2. P. 283–303.
3. Sauer K.O. The morphology of landscape. University California Publ.: *Geography*. 1925. № 2. P. 19–53 ; Reprinted in: *Human geography. An essential anthology*. Blackwell publishing. UK. Oxford. 1996. P. 296–315.
4. Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск, 2004.
5. Там же.
6. *Философский словарь*. М., 1963.
7. Мильков Ф.Н. Человек и ландшафты. Очерки антропогенного ландшафтоведения. М., 1973.
8. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008.
9. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2001. № 1. С. 7–14.

References (transliterated):

1. Averkieva Y.P. *Istoriya teoreticheskoy mysli v amerikanskoy etnografii*. M., 1979.
2. Duncan J.S. The superorganic in American cultural geography // *Annals of the Association of American Geographers*, 1980. Vol. 70. № 2. P. 283–303.
3. Sauer K.O. The morphology of landscape. University California Publ.: *Geography*. 1925. № 2. P. 19–53 ; Reprinted in: *Human geography. An essential anthology*. Blackwell publishing. UK. Oxford. 1996. P. 296–315.
4. Ragulina M.V. *Kul'turnaya geografiya: teorii, metody, regional'niy sintez*. Irkut-sk, 2004.
5. Ibid.
6. *Filosofskiy slovar'*. M., 1963.
7. Mil'kov F.N. *Chelovek i landshafty. Ocherki antropogennogo landshaftovedeniya*. M., 1973.
8. Kalutskov V.N. *Landshaft v kul'turnoy geografii*. M., 2008.
9. Vedenin Y.A., Kuleshova M.E. *Kul'turniy landshaft kak ob"ekt kul'turnogo i prirodnogo naslediya* // *Izv. RAN. Ser. geogr.* 2001. № 1. P. 7–14.